

Постакадемическая кунстнаука. Диада *langue-langage*

– Незачем подтираться, коли нет дерьма, – продолжал Гаргантюа. – А дерьма не бывает, если не покакаешь. Следственно, прежде надобно покакать, а потом уж подтереться.

– Ах, как ты здраво рассуждаешь, мой мальчик! – воскликнул Грангузье. – Ей-богу, ты у меня в ближайшее же время выступишь на диспуте в Сорбонне, и тебе присудят докторскую степень – ты умен не по летам! Сделай милость, однако ж, продолжай подтиральное свое рассуждение.

Франсуа Рабле

При исследовании многообразных форм кунстнауки нам придется время от времени касаться вещей, которые связаны с пропповской темой¹ лишь косвенным образом. Но от этого они не становятся менее важными и интересными с точки зрения развития понятийного аппарата и оттачивания терминологии в области изучения «дурной науки» (см. конец очерка).

Совсем недавно на поприще кунстнауки особенно отличились два профессора из ВШЭ. Один из них назвал современный русский язык «клоачным», а второй – вступил с ним в «полемику», заявив, что его коллега ошибается, что на самом деле современный русский язык – «фашистский». Оба поста вызвали, с одной стороны, бурю возмущения, а с другой – возмущение возмущением, что, по законам логики, означает полное восхищение. Сразу надо сказать, что обвинения в «руссофобии» в данном случае отпадают чисто терминологически. Ксенофобия – это страх местных жителей, испытываемый по отношению к чужакам-пришельцам, и больше ничего.

Напротив, в рассматриваемом случае мы имеем дело с совершенно экзотическим случаем европоцентризма, когда «аборигены» выступают носителями

¹ См. «Морфология сказки и поклонники, или Дети лейтенанта Проппа. Пролог // *ethnomanuscripts.ru*.

идеологии культурного превосходства европейцев (читай: европейцев-европейцев) над самими собой в большей степени, чем сами европейцы. По примеру унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекла. Западничеством здесь и не пахнет. Попробуйте представить себе профессора из Коллеж де Франс, который в своем посте назовет французов «лягушатниками», хотя, если иметь в виду известное блюдо французской кухни, это чистая правда.

Спрашивается: откуда что берется? Настоящая проблема состоит в том, что оба текста носят демонстративно ненаучный характер, о чем можно судить по отсутствию в них научных предложений, как бы мы ни определяли понятие научности, в терминах верифицируемости, фальсифицируемости или как-нибудь иначе по правилам философии науки. По сути, и тот, и другой текст представляет собой бессвязный набор, если не слов, то предложений. Разбирать их в целом бессмысленно и именно потому, что внешнюю целостность этим текстам придают только два ключевых слова, упомянутых нами в начале.

Допустим, что профессор, инициировавший все эти медиа-шумы, высказываясь о русском языке негативно, действительно имел в виду не оскорбление русского языка, а простую констатацию факта засорения современного русского языка. Но, в таком случае, оказывается, что филолог по образованию в звании профессора не сумел выразить ясно и точно довольно простую мысль. Ведь сказано: служить, так не картавить, а картавить, так не служить.

На этом фоне выступление второго профессора гораздо более примечательно, так как нечаянно приоткрывает небольшую щелочку, через которую, хотя бы одним глазком, можно подсмотреть, чем профессор факультета гуманитарных наук ВШЭ занимается на лекциях. Так, строя свое высказывание методом аналогий с уже существующими, этот автор использовал слова из русского перевода лекции Ролана Барта: «... язык как перформация всякой языковой деятельности не реакционен и не прогрессивен; это обыкновенный фашист, ибо сущность фашизма не в том, чтобы запрещать, а в том, чтобы понуждать говорить нечто». По его уверениям, современный русский язык является фашистским «в том самом смысле, в котором писал об этом Ролан Барт», что якобы подтверждается другой цитатой: «весь язык целиком есть общеобязательная форма принуждения».

Во-первых, следует обратить внимание на то, что предметом спора являются два разных понятия: русский язык и современный русский язык в значении языка определенной социальной группы. Проще говоря: один профессор – про Фому, а другой ему – про Ерёму.

Во-вторых, надо заметить, что цитируется текст «Актовая лекция, прочитанная при вступлении в должность заведующего кафедрой литературной семиологии в Колледж де Франс² 7 января 1977 года»³. Однако при обсуждении столь важного тезиса, как «убожество» и пр. русского языка, было бы полезнее обратиться к первоисточнику⁴, ибо перевод не слишком грамотный, практически подстрочник, т.е. является всего лишь «интерпретацией» французского оригинала. Приведем соответствующие места в тексте Ролана Барта:

Parler, et à plus forte raison discourir, ce n'est pas communiquer, comme on le répète trop souvent, c'est assujettir : toute la langue est une réaction généralisée.

Говорить и тем более рассуждать – это не сообщать, как часто приходится слышать, а подчинять. Иначе говоря, язык как таковой это управление (словами) в широком смысле.

Mais la langue, comme performance de tout langage, n'est ni réactionnaire, ni progressiste ; elle est tout simplement : fasciste ; car le fascisme, ce n'est pas d'empêcher de dire, c'est d'obliger à dire.

Но язык (langue), как любой другой способ передачи сообщений (langage⁵), не является ни реакционером, ни прогрессистом. Он просто – фашист, ибо фашизм – это не запрещать говорить, а заставлять говорить.

Очевидно, что в указанных случаях речь идет совсем о другом – о языке как таковом, как предмете исследования лингвистики, а не об особенностях речи представителей отдельной части общества, являющегося носителей конкретного языка. Кроме того, будучи «этимологически», т.е. в кавычках, «анархистом», или выдавая себя за такового, Барт в данном случае пользуется игрой слов, применяя лингвистический термин «управление» в общеупотребительном значении этого термина.

Подведем некоторые предварительные итоги. Автор идеи фашизации речи определенных слоев современного российского общества произвел подмену понятия, по крайней мере, дважды. Сначала по отношению к своему коллеге, а затем по отношению к Барту.

² Правильная транскрипция: Коллеж де Франс. – ПБ.

³ www.biometrika.tomsk.ru/ftp/culture/b_lect.htm

⁴ <https://ru.scribd.com/document/328023204/Lecon-Texte-de-la-lecon-inaugural-prononcee-le-7-1-1977-au-College-de-France-Barthes-Roland-epub>

⁵ Я полностью отдаю себе отчет в существовании трудностей («проблемы») с сосюрговской триадой *langue-langage-parole*. Термин *langage* обычно переводится так: «язык как феномен» или «языковая деятельность». Первый термин является пустым звуком, под второй подпадает все что угодно, вплоть до удара рукояткой кольта по голове в известном рассказе О'Генри. Однако, если применить метод построения двудольного графа, значения слов *langue* и *langage* в естественном языке довольно хорошо различимы: *langue française, langue allemande, langue du peuple*, но (*mais*) *langage corporel, langage de signes, langage romantique, langage de programmation etc.* Поэтому в качестве эквивалента *langage* здесь предлагается термин «передача сообщений». – ПБ.

Но почему, все-таки, Ролан Барт? Ведь любую цитату можно подогнать под что угодно – техника-то нехитрая. В конце концов, можно было бы обратиться за моральной поддержкой к книге «Разоблачения истории дипломатии в XVIII веке» Маркса.

Чтобы понять, почему второй наш профессор интуитивно остановил свой выбор именно на кандидатуре Ролана Барта, надо прочесть всю речь, произнесенную им при вступлении в должность заведующего кафедры литературной семиологии в Коллеж де Франс.

Тогда можно будет сделать вывод, что в ВШЭ завоевало прочные позиции «фантазматическое преподавание», в основу которого положен некий «фантазм», варьируемый из года в год. Самое приятное во всей этой истории – это то, что не надо готовиться к лекциям, следовательно, «высвобождается» (selon la “*méthode de déprise*”) масса времени, чтобы «бегать и убегать», размещая посты на различных интернет-заборах, или поучать аудиторию, сидя в кресле радио- или телеведущего. Ведь преподаватель ВШЭ – ну, что с него возьмешь! – это сущий ребенок, то убегающий, то возвращающийся с «камешком» или «шерстяной ниткой», которые, добавим от себя, являются для него бесценными кунстнаучными раритетами. Образ «преподавателя-ребенка», безусловно, яркий и запоминающийся, даже вызывающий подсознательно симпатию, но что же получается в итоге?

На первый взгляд, актовая лекция Барта представляет собой сплошной, хотя и вдохновенный, вздор, причем, если почитать Франсуа Рабле, решительно в духе Сорбонны XVI века. Это «блестящая мухоморительная речь» о *субстанциональных достоинствах элементарной комплекции языка, укореняющихся в земнородности его квиддитативной натуры*. Свою речь Барт мог бы смело закончить словами: «Истинный Бог, когда-то я мастер был рассуждать, а теперь вот могу только дичь пороть, и ничего мне больше не нужно, кроме доброго вина и мягкой постели».

И если бы данная лекция представляла собой философский трактат под названием «Язык как инструмент власти» к нему не могло бы быть никаких претензий, кроме упрека в тривиальности. Чтобы избежать подобных подозрений, он смешал философию с наукой, науку с политикой, а затем все вместе взятое – с литературой. В этих условиях научные термины становятся образами, литературными персонажами, а результатом оказывается то явление, которое Пропп, имея в виду Леви-Стросса и ему подобных, называл исследованиями философско-дилетантского характера. Надо признать, в этом искусстве Барт намного превосходил Леви-Стросса.

Впрочем, среди сказанного Роланом Бартом можно найти нечто более вразумительное. Символом веры ему служит утверждение, согласно которому подлинным научным подходом является стремление разрушить «предшествующую науку». Как раз с этим у нас все в порядке – и не только во ВШЭ.

На факультете антропологии Европейского университета ныне, судя по слухам (запахам), процветает «теория миазмов». В сущности, это тоже французская школа, берущая свое начало от исследования подтирок Гаргантюа, сыном Грангузье, результаты которого, как известно, были опубликованы в романе Франсуа Рабле (впоследствии М.М.Бахтин продолжил это исследование, но несколько в ином направлении⁶).

С большим успехом защищаются диссертации на такие наукоемкие темы, как «Ольфакторный код и воспитание чувствительности в русской городской культуре 1860—1910-х годов»⁷. Примечательно также, что это подобное баньяну раскидистое древо «наукословия» (не по Фихте) произрастает как раз на развалинах, или, лучше сказать, из «косточек», этнографии как «предшествующей науки». (В стенах академии и «старых» университетов гуманитарные дела обстоят не лучше, но это другая статья – за неимением явных претензий на «светскость».)

Делается это в основном за счет натягивания терминов, взятых из других наук, на предмет этнографии. Как пишет автор упомянутой диссертации основным методом данной работы было «конструирование фактов и явлений повседневной жизни в медицинском ключе»⁸.

Но «конструирование фактов» – основа основ любой лженауки. Тут уж не до церемоний в виде политкорректного термина *кунстнаука*. Да будет известно – наука конструирует теоретические объекты, факты она только выделяет из окружающей действительности. В создании подобных объектов, абстракций и моделей, состоит процедура объяснения.

Большинство людей, конечно, слышано о таких классических случаях лженауки, как алхимия или астрология. Несколько меньшее число людей знает исторически более свежие образцы ложных учений вроде френологии и графологии. И совсем немногие догадываются о сомнительности антропологии,

⁶ См. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Образы материально-телесного низа в романе Рабле. М., 1990.

⁷ См.: www.kunstkamera.ru/files/doc/diss/pirogovskaya_dissertation.pdf.

Попутное замечание (Une remarque en passant). В переводе на общечеловеческий язык название диссертации означает: *Процвай немытая Россия*. Однако, как кажется, Лермонтов имел в виду вовсе не то, что русский мужик годами не мылся в бане. Он подразумевал совсем другое, а именно пословицу: холопа как ни мой, он все смердит. Это видно из следующих же строк: *Страна рабов, страна господ, / И вы мундиры голубые, / И ты им преданный народ*.

⁸ См. прим. 6: с.236.

культурологии, семиологии или политологии. Их общий признак – беспредметность и отсюда – тяга к конструированию фактов. Да что там говорить, в настоящее время уже приходится отличать лингвистику от языкознания, разрыв между которыми постепенно становится примерно таким же, как между графологией и почерковедением.

При постановке задачи различения понятий семиотики и семиологии, аналогия с противопоставлением почерковедения и графологии близка к абсолютной. Фердинанд де Соссюр, видимо, и не мечтал о том, что крайне неудачно, помимо семиотики Пирса, введенное им понятие семиологии будет трактоваться кем-то, тем же Бартом, уже чисто спекулятивно, как средство манифестации изощренного политического учения⁹, которое «умники и умницы» из ВШЭ, принимают за научное. В силу этого обстоятельства они, возможно, вполне искренне не понимают, почему их высказывания, ими самими, добросовестно или не очень, относимые к тем или иным отраслям гуманитарной науки, всякий раз воспринимаются как политические. Все дело в том, что живой разговорный или письменный язык (*langue*) в системе Барта низводится до чистого сообщения, сигнала или «посыла» (*langage*). Это чистая *этология* без какой-либо отчетливой мысли. По правде говоря, такая, с позволения сказать, «лангажированность», запрещающая не говорить, а думать, немного пугает.

За сим вернемся к понятию кунстнауки. Вопрос о том, где в современной науке «раки зимуют», связан с историей возникновения самой науки. Как писал Декарт: «Касательно, наконец, дурных учений, я достаточно знал им цену, чтобы не быть обманутым обещаниями какого-нибудь алхимика, предсказаниями астролога, штуками магика, *всякими хитростями или хвастовством людей, выдающих себя за знающих более того, что им действительно известно* (курсив мой. – ПБ)»¹⁰. (Здесь я намеренно цитирую дореволюционное издание, чтобы еще раз подумать на досуге о том, что такое «засорение» современного русского языка.)

Если говорить на языке (“*langage*”) другого не менее меткого высказывания Декарта, *кунстнаука* в её особой ипостаси – в качестве философствования на почве конкретных наук – есть именно то, что «доставляет средства говорить правдоподобно о всяких вещах и дивить (так! – ПБ) мало сведующих¹¹».

19 ноября 2019 г.

⁹ Приношу свои извинения. Первое впечатление (см. выше) оказалось неверным. С рассматриваемой точки зрения, не такой уж это вздор. – ПБ.

¹⁰ Декарт. Разсуждение о методе дабы хорошо направлять свой разум и отыскивать научные истины. С.Петербург, 1886, с.8.

¹¹ Там же, с.5.